
МЕЖДУНАРОДНЫЕ СДЕЛКИ, ПРОТИВОРЕЧАЩИЕ ОСНОВАМ ПРАВОПОРЯДКА И НРАВСТВЕННОСТИ

Д.В. Федчук

Кафедра частного права
Всероссийская академия внешней торговли
ул. Пудовкина, 4а, Москва, Россия, 119285

В статье рассматривается одно из оснований признания сделки недействительной — противоречие основам правопорядка и нравственности, анализируется историческое развитие понятий «публичный порядок» и «добрые нравы», исследуется регулирование данного вопроса на уровне международного частного права, даются рекомендации по совершенствованию российского законодательства.

Ключевые слова: публичный порядок, добрые нравы, сделки, недействительность.

В настоящее время в сфере внешней торговли участвует большое количество субъектов (как физических, так и юридических лиц), являющихся предпринимателями различных стран, опосредующих свои взаимоотношения заключением разнообразных гражданско-правовых договоров. Важным моментом правового регулирования подобных договоров является возможность применения к ним императивных норм национального права сторон договора даже в тех случаях, когда оно не является правом их договора (*lex contactus*). К таким нормам могут быть отнесены положения, охватываемые понятиями «основы правопорядка», «публичный порядок», «общественная нравственность», «основополагающие принципы морали», «добрые нравы» и т.п. (*ordre public, public policy, die guten Sitted, bonnes moeurs, good morals, etc.*).

Несмотря на то что одним из базовых принципов частного права, действующего в большинстве стран мира, является принцип «свободы договора», тем не менее все национальные правопорядки признают недействительным договор, противоречащий не только законам, но и указанным выше критериям, которые выходят за рамки позитивного права.

При решении вопроса о признании договора недействительным по указанным основаниям задачей суда является определение того, действовали ли стороны, вступая в правоотношения, в рамках дозволенного добрыми нравами и публичным порядком.

Об актуальности данного вопроса для российской правовой системы, переживающей в настоящее время период возрождения и становления частного права, говорит судебная практика последних лет, связанная с рассмотрением

предпринимательских споров (за 2009 г. арбитражными судами Российской Федерации рассмотрено приблизительно 34 000 судебных дел о признании договоров недействительными). В подтверждение вышеизложенного можно сослаться на Постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г. № 22, в котором была сделана попытка определения круга отношений, составляющих «основы правопорядка» и «основы нравственности» [6].

Нормы, согласно которым договор признается недействительным по основаниям противоречия «публичному порядку» и «добрым нравам», в различных странах по своей сути носят схожий характер независимо от того, являются они нормами писаного права континентальной правовой системы или неписаными нормами англо-американской правовой системы. Но, как показывает практика, эти нормы, имеющие внешнее сходство, порой наполняются различным содержанием.

Поскольку право большинства государств ограничивается лишь общим описанием критериев, относящимся к терминам «публичный порядок» и «добрые нравы» (А.П. Белов, например, отмечал, что «существующие определения носят слишком общий характер, из которого нельзя сделать вывод с достаточной точностью, о каких императивных нормах, соответствующих публичному порядку, может идти речь в соответствующей стране» [2. С. 186]), специфическое содержание они получают только в результате их судейского толкования при рассмотрении конкретного дела. В результате складывается ситуация, при которой понятия «публичный порядок» и «добрые нравы» в различных странах будут определяться исходя из сложившихся в этих странах представлений о праве и морали.

Проблема применения указанных оснований недействительности сделок весьма осложняется, когда сторонами договора являются предприниматели из различных стран. Когда сделка имеет иностранный элемент, возникает необходимость преодоления могущей возникнуть проблемы квалификации понятий «публичный порядок» и «добрые нравы», действующих в разных правовых системах применительно к международным сделкам.

Историческое развитие понятий «публичный порядок» и «добрые нравы»

Как отмечается в юридической литературе, истоки данного основания недействительности сделок уходят далеко в прошлое, и поэтому изучение развития соответствующего института и его особенностей в различные периоды истории представляет значительный научный интерес. Это вызвано тем, что такие критерии юридической квалификации человеческого поведения, как его соответствие правопорядку, нравственности, добрым нравам, интересам государства и общества, а также практика применения этих критериев являются своего рода индикаторами, показывающими «достаточно информативный срез обществен-

ной жизни на конкретном этапе ее развития, динамичность преобразований в ее политической, экономической, идеологической, культурной сферах» [8. С. 16].

Нарушение добрых нравов еще в римском праве существовало в качестве самостоятельного основания недействительности договоров. Оно использовалось наравне с признанием недействительными противозаконных соглашений. Так, например, одно из принципиальных положений римского права гласило, что ничтожной является сделка, содержание которой противоречит закону и добрым нравам.

Из римского права в законодательстве стран, относящихся к континентальной системе, возник сам термин «добрые нравы» («*boni mores*»). Позаимствованное из римского права правило о ничтожности сделок, противоречащих добрым нравам, получило широкое распространение и было закреплено в законодательстве многих стран.

Что касается нарушения публичного порядка, то в римском праве не существовало такого основания недействительности. В качестве предпосылки, подготовившей условия для появления концепции публичного порядка, можно рассматривать выработанную римским правом концепцию добрых нравов.

Концепция публичного порядка была выработана и детально разработана французской доктриной и судебной практикой, откуда она впоследствии была позаимствована другими странами (в том числе и российским дореволюционным законодательством), а также стала использоваться в международном частном праве. Термин «публичный порядок» («*ordre public*») как таковой впервые был использован во Французском гражданском кодексе 1804 г. (далее — ФГК). Исходным положением для концепции публичного порядка послужила ст. 6 ФГК, запрещающая посредством частных соглашений «отступать от законов, которые затрагивают публичный порядок и добрые нравы». Иными словами, в силу ст. 6 ФГК соглашения между частными лицами являются недействительными, если они противоречат законам, затрагивающим публичный порядок или добрые нравы. В этой статье ФГК был по существу воссоздан принцип римского права «*ius cogens privatorum pactis mutari non potest*» — «нельзя частными соглашениями изменять принудительные нормы» [1].

В юридической доктрине не сложилось единого мнения по поводу соотношения понятий «нравственность» и «добрые нравы». Так, более века тому назад немецкий юрист Леонгард, отмечая, что глубоко нравственный поступок может как соответствовать добрым нравам, так и нарушать их, писал: «Нравы покоятся на внешних правилах благоприличия, нравственность — на внутреннем состоянии совести. Добрые нравы имеют своим основанием общественное мнение, нравственность — стремление совести к внутреннему покою и миру». По выражению выдающегося российского правоведа начала XX в. И.А. Покровского, «добрые нравы» — это «то, что окружает нас на земле и что представляет из себя сумму нередко самых низменных компромиссов... Это нечто условное и формальное в не меньшей мере, чем условно и формально само право...» [8. С. 25].

Концепции публичного порядка и добрых нравов в российском гражданском праве

Положения относительно признания недействительной сделки, противоречащей публичному порядку и добрым нравам, содержатся также и в современном российском гражданском законодательстве. В соответствии со ст. 169 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) сделка, совершенная с целью, заведомо противной основам правопорядка или нравственности, является ничтожной [3].

Понятие «основы правопорядка» по своему содержанию во многом тождественно понятию «публичный порядок». На это, в частности, указывает ч. 1 ст. 1193 ГК РФ. Верховный Суд РФ в своем решении по одному из споров отменил решение нижестоящего суда, указав, что понятие «публичный порядок» не совпадает с содержанием всего российского законодательства, поскольку под ним следует понимать лишь основы общественного строя российского государства [7].

Если проследить историю возникновения положений, сформулированных в ст. 169 ГК РФ, то можно обнаружить, что похожее основание признания сделки недействительной было знакомо и российскому дореволюционному законодательству. Статья 1528 ч. 1 т. X Свода законов Российской империи устанавливала, что цель договора «должна быть непротивна законам, благочинию и общественному порядку». «Непротивность благочинию», по разъяснению Правительствующего Сената, означала соответствие договора понятиям нравственности. В соответствии со ст. 1529 Свода законов «договор недействителен и обязательство ничтожно, если побудительная причина к заключению оного есть достижение цели, законами запрещенной...» [8. С. 16].

В проекте русского Гражданского уложения 1905 г., подготовленном Высочайше учрежденной в 1882 г. Редакционной комиссией по составлению Гражданского уложения (Гражданское уложение осталось на уровне проекта, так и не став законом — *прим. авт.*), такое основание недействительности сделки, как «непротивность благочинию», было заменено на «непротивность добрым нравам». Статья 94 проекта устанавливала: «Недействительны сделки, противные закону, добрым нравам или общественному порядку».

Статьей 30 Гражданского кодекса РСФСР 1922 г. (далее — ГК РСФСР) было установлено три основания признания недействительности сделки по причине незаконности ее содержания: совершение сделки с целью, противной закону, в обход закона или в явный ущерб государству. При этом ГК РСФСР отказался от такого основания недействительности сделки, как ее противоречие нравственности. Тем не менее, некоторые авторы считали, что в случае противоречия сделки нравственности (которая объективно выражалась в правилах социалистического общежития) такая сделка должна признаваться ничтожной [8. С. 18].

Важной особенностью данной редакции ГК РСФСР являлся тот факт, что впервые в российском законодательстве за совершение указанных выше катего-

рий сделок устанавливались конфискационные санкции. Статья 147 ГК РСФСР устанавливала, что в случае недействительности договора как противозаконного или направленного к явному ущербу для государства ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору, а неосновательное обогащение взыскивается в доход государства.

В период действия ГК РСФСР 1922 г. ст. 30 во взаимосвязи со ст. 147 активно обсуждалась в трудах российских цивилистов того периода (Д.М. Генкин, И.Б. Новицкий, В.Я. Рясенцев и др.). Дискуссию вызвал, в частности, вопрос о том, как следует понимать используемое в ней выражение «с целью, противной закону» — как указывающее лишь на объективную сторону сделки, то есть на то, что недействительной являлась такая сделка, цель которой объективно (независимо от намерений сторон сделки) противоречит закону, или указывающее на возможность применения ст. 30 ГК РСФСР лишь при наличии субъективного момента в виде прямого намерения стороны сделки осуществить противозаконную цель.

Насколько можно судить по редакции ст. 49 ГК РСФСР 1964 г., пришедшего на смену ГК РСФСР 1922 г., в результате дискуссии возобладало выраженное Д.М. Генкиным мнение о том, что применение предусмотренных ст. 147 ГК РСФСР 1922 г. карательных санкций целесообразно при нарушении лишь таких нарушений закона, «которые нарушают нормы, определяющие и оберегающие социалистический строй СССР», а также при наличии у совершающего сделку лица прямого умысла на достижение противоречащего указанным нормам результата [10].

Конструкция ст. 169 ГК РФ 1994 г. практически в неизменном виде восприняла принципы построения ст. 49 ГК РСФСР 1964 г. Изменилось лишь формулировка данного основания признания сделки ничтожной, а именно, «интересы государства и общества» были заменены на «основы правопорядка и нравственности». Что же касается последствий ничтожности указанных сделок, то они определяются в ст. 169 ГК РФ 1994 г. так же, как они были определены в ст. 49 ГК РСФСР 1964 г.

Публичный порядок и добрые нравы в международном частном праве

Несмотря на длительную историю развития и наличие во многих случаях единых источников происхождения положений о содержании и правовых последствиях сделок, совершенных с целью, заведомо противной публичному порядку (основам правопорядка) или добрым нравам (нравственности), как правовое регулирование, так и практика применения данного института в праве большинства стран не отличается единообразием. В контексте международного экономического оборота данная проблема приобретает еще большую актуальность в связи с желательностью обеспечить единообразие регулирования сделок, имеющих иностранный элемент, не с позиций какого-либо отдельного на-

ционального права, а основываясь на регулировании, имеющем международное происхождение и отражающем потребности международного оборота.

Наиболее существенными являются различия, имеющие место при рассмотрении вопроса о последствиях ничтожности вышеуказанных сделок. Так, в частности, в правовой доктрине отмечается, что вокруг правила о «*soluti retentio*» («удержание исполненного»), уместности и целесообразности его включения в гражданский кодекс возобновляется старинный спор, некогда разделивший юристов и христианских моралистов на два лагеря. Имеется в виду вопрос о целесообразности восприятия законодателем решения, выдвинутого еще в Средние века доктриной томизма и позитивно принятого в некоторых современных правопорядках, в том числе советском, а затем и российском [8. С. 62–63].

В Средние века конфискации было дано теоретическое обоснование именно в качестве *soluti retentio*. Соответствующее решение предлагалось Фомой Аквинским для борьбы с симонией (торговлей церковными должностями): «Поскольку в этом случае получатель, присваивая исполненное в его пользу, действует запрещенным образом, он не может это удерживать, и оно должно быть исполнено для целей Святой церкви» [9].

Признавая значимость указанной проблемы, в особенности в области правового регулирования международного экономического сотрудничества, а также руководствуясь целями гармонизации и унификации соответствующих норм национального частного права, Международный институт по унификации частного права (далее — УНИДРУА) включил вопрос о ее углубленном исследовании в программу своей работы над Принципами международных коммерческих договоров (далее — Принципы УНИДРУА). Одна из глав находящегося в настоящее время в процессе разработки дополнения Принципов УНИДРУА посвящена регулированию международных коммерческих договоров, противоречащих основополагающим принципам и императивным нормам («*Illegality*») [12. С. 3].

В проекте комментариев, подготовленных экспертами УНИДРУА, дается пояснение, что под «основополагающими принципами» понимаются не все принципы нравственности и публичного порядка, признаваемые в качестве основополагающих на национальном уровне, а именно принципы, широко признаваемые в качестве основополагающих различными правовыми системами.

Как следует из вышеизложенного, «основополагающие принципы» включают в себя не только принципы публичного порядка, но и принципы добрых нравов (нравственности). В целях устранения различий в толковании понятий «публичный порядок» и «добрые нравы» в национальном праве разных стран в комментариях четко оговаривается, что во внимание принимаются не все принципы, а только те из них, которые признаются правовыми системами на глобальном уровне. К таким принципам, в частности, могут быть отнесены принципы, устанавливаемые в международных конвенциях, в частности, запрет принудительного и детского труда, предотвращение «отмывания» денег и т.д.

В проекте главы, посвященной регулированию международных коммерческих договоров, противоречащих основополагающим принципам и императивным нормам, указываются также последствия заключения договоров, попадающих под данное регулирование. Однако в отличие от российского законодательства применение таких последствий ставится в зависимость от обстоятельств, существующих при заключении таких договоров. Так, например, признается действительным в целом договор, часть которого признана противоречащей основополагающим принципам и императивным нормам (ст. 1 проекта), если только при тщательном рассмотрении обстоятельств дела не будет разумным прийти к иному выводу.

В ст. 2 проекта указывается, что в случае, когда обе стороны знали или должны были знать о фактах, при которых заключаемый договор противоречит основополагающим принципам, ни одна из сторон не имеет право на применение средств судебной защиты, определенных в договоре. При этом п. 2 этой же статьи предусматривает, что в случаях, когда сторона не знала и не могла знать о фактах, при которых заключаемый договор противоречит вышеуказанным принципам, она имеет право на использование средств судебной защиты, которые будут являться разумными при определенных обстоятельствах.

Такой же подход используется и при определении последствий заключения договоров, противоречащих императивным нормам. Так в ст. 4 указывается, что нарушение императивных норм влечет за собой последствия, четко определенные такими императивными нормами; в случае если такие последствия нормами не определены, стороны могут прибегнуть к таким средствам судебной защиты, применение которых было бы разумным при данных обстоятельствах. При определении критериев разумности во внимание должно быть принято следующее:

- цель императивной нормы, которая была нарушена;
- категория лиц, в защиту прав которых существует данная императивная норма;
- санкции, которые могут быть применены в соответствии с императивной нормой, которая была нарушена;
- важность нарушенной императивной нормы;
- было ли нарушение умышленным;
- причинно-следственная связь (*closeness of the relationship*) между нарушением и договором.

В качестве общего правила в проекте главы устанавливается, что в случае, когда имело место исполнение по договору, противоречащему основополагающим принципам и императивным нормам, применяется реституция, если при конкретных обстоятельствах применение реституции будет разумным. Из сказанного следует, что при решении вопроса о реституции судья должен учесть и взвесить возможные последствия такого решения.

Аналогичные положения относительно договоров, противоречащих основополагающим началам и императивным нормам, содержатся также в Принципах европейского договорного права [11].

Что же касается российского законодательства, то оно устанавливает более жесткие правовые последствия для таких случаев и не дифференцирует последствия в зависимости от соответствующих обстоятельств. Если совершенная сторонами сделка была квалифицирована судом как сделка, подпадающая под действие ст. 169 ГК РФ, будут применены конфискационные последствия в виде взыскания всего полученного по такой сделке (либо части, в случае односторонней реституции) в доход государства, вне зависимости от вида сделки и сопутствующих обстоятельств.

В качестве общего вывода следует отметить, что в российском гражданском праве отсутствует какое-либо единое и полное определение терминов «основы правопорядка и нравственности» как основания недействительности сделки, влекущего конфискационные последствия. Из позиции Конституционного Суда Российской Федерации, однако, следует, что указанное не составляет проблему, поскольку эти понятия, как и все прочие оценочные понятия, «наполняются содержанием в зависимости от того, как их трактуют участники гражданского оборота и правоприменительная практика» [5]. Между тем практика свидетельствует о том, что применение неопределенных, расплывчатых понятий чревато отрицательными последствиями; именно к такому выводу можно прийти, проанализировав, в частности, практику предъявления налоговыми органами исков о признании сделок, направленных на уклонение от уплаты налогов, недействительными (антисоциальными) по основаниям их противоречия основам правопорядка и нравственности.

Согласно сформированной Конституционным Судом РФ в определении от 8 июня 2004 г. № 226-О позиции «квалифицирующим признаком антисоциальной сделки является ее цель, т.е. достижение такого результата, который не просто не отвечает закону или нормам морали, а противоречит — заведомо и очевидно для участников гражданского оборота — основам правопорядка и нравственности. Антисоциальность сделки, дающая суду право применять данную норму Гражданского кодекса Российской Федерации, выявляется в ходе судопроизводства с учетом всех фактических обстоятельств, характера допущенных сторонами нарушений и их последствий». Эта позиция, в соответствии с которой сделки, совершенные с целью неуплаты налогов и необоснованного возмещения из бюджета налоговых платежей, противоречат основам правопорядка, получила отражение, что закономерно, в постановлениях арбитражных судов [4].

В связи с вышеуказанной практикой судов Е.А. Суханов отмечал: «Предъявление налоговыми органами исков о признании конкретных сделок ничтожными как антисоциальных («заведомо противных основам правопорядка или нравственности») на основании ст. 169 ГК, как и их удовлетворение отдельными арбитражными судами, в большинстве случаев представляется необоснованным. По общему правилу сделки, совершенные в обход норм налогового законодательства, должны квалифицироваться как сделки, не соответствующие закону или иным правовым актам (ст. 168 ГК). Различие незаконных и антисо-

циальных сделок состоит прежде всего в том, что последние не «просто» нарушают закон (или совершаются с целью его нарушения, в том числе путем «обхода»), но посягают на основы правопорядка, т.е. основные начала, принципы общественной, политической и экономической организации нашего общества, либо на его нравственные устои («основы нравственности»)» [7].

Пленум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации (далее — Пленум ВАС РФ) в Постановлении от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации» внес ясность в отношении применения ст. 169 ГК РФ налоговыми органами Российской Федерации, установив, что требование налогового органа о применении предусмотренных ст. 169 ГК РФ последствий недействительности сделки, обосновываемое тем, что данная сделка совершена с целью уклонения от уплаты налогов, выходит за рамки полномочий налогового органа, так как взыскание в доход Российской Федерации всего полученного (причитающегося) по сделке не является мерой, направленной на обеспечение поступления в бюджет налогов.

Что же касается определения содержания понятий «основы правопорядка и нравственности», Пленум ВАС РФ ограничился лишь указанием на общие положения: «в качестве сделок, совершенных с указанной целью, могут быть квалифицированы сделки, которые не просто не соответствуют требованиям закона или иных правовых актов (статья 168 Кодекса), а нарушают основополагающие начала российского правопорядка, принципы общественной, политической и экономической организации общества, его нравственные устои» и перечислением сделок, которые могут быть отнесены к указанным выше сделкам, тем самым оставив открытым вопрос конкретного содержания понятий.

В связи с вышеизложенным целесообразно отметить, что для нормального функционирования механизма, предусмотренного ст. 169 ГК РФ, необходимо сформулировать четкие критерии содержания понятий «правопорядок» и «нравственность» в контексте гражданско-правовых отношений, особенно что касается предпринимательской деятельности.

Поскольку виды сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, обстоятельства их совершения, а также последствия их совершения не всегда носят схожий характер, представляется целесообразным включить в текст ст. 169 ГК РФ определенные оговорки, предусматривающие разграничение санкций за совершение сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, а также оснований их применения в зависимости от существенности нарушения. Судам, при вынесении решений о применении последствий, предусмотренных ст. 169 ГК РФ, также следует принимать во внимание обстоятельства, при которых данная сделка была совершена (к примеру, обстоятельства, предусмотренные ст. 4 проекта главы «illegality» Принципов УНИДРУА), а не слепо применять норму закона.

О необходимости изменения существующей редакции ст. 169 ГК, а также об актуальности данной проблемы говорит также тот факт, что вопрос о кор-

ректировании указанной правовой нормы включен в «Концепцию развития гражданского законодательства Российской Федерации», одобренной решением Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства 07.10.2009 (<http://rozhkova-ma.narod.ru/resh071009.pdf>). Данный документ устанавливает, что в качестве общих последствий недействительности сделок, противоречащих основам правопорядка и нравственности, должна предусматриваться двусторонняя реституция. Что же касается конфискации, то она должна применяться как альтернативное последствие недействительности сделки лишь в ограниченном числе случаев, прежде всего когда то или иное общественно неприемлемое имущественное деяние не получает адекватной санкции в уголовном или административном праве, а также когда применение упомянутых санкций затруднено.

В заключение необходимо отметить, что в условиях расширения диспозитивности в регулировании частноправовых отношений сохранение в Гражданском кодексе Российской Федерации столь существенного института, как ст. 169 (в особенности ее конфискационных санкций за совершение указанных сделок) в практически неизменном виде с момента ее инкорпорирования в 1964 г., не только не способствует развитию рыночной экономики, но в значительной мере затрудняет его.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Афанасьев Д.В.* Нарушение публичного порядка как основание признания сделки недействительной в российском и зарубежном праве // Недействительность в гражданском праве: проблемы, тенденции, практика: Сборник статей / Отв. ред. М.А. Рожкова. — М.: Статут, 2006.
- [2] *Брагинский М.И., Витрянский В.В.* Договорное право, общие положения. — М.: Статут, 1999. — Книга 1.
- [3] Гражданский кодекс Российской Федерации. Ч. 1 // Российская газета. — 1994. — № 238–239. — 8 дек.
- [4] *Киселев А.А.* О ничтожности сделок, противных основам правопорядка и нравственности, в российском законодательстве // Юрист. — 2007. — № 11.
- [5] Определение Конституционного Суда РФ от 8 июня 2004 г. № 226-О. URL: http://ksportal.garant.ru:8081/SESSION/S__vvkDul8r/PILOT/main.html
- [6] Постановление Пленума Высшего Арбитражного суда Российской Федерации от 10 апреля 2008 г. № 22 «О некоторых вопросах практики рассмотрения споров, связанных с применением статьи 169 Гражданского кодекса Российской Федерации». URL: http://www.arbitr.ru/as/pract/post_plenum/19013.html
- [7] *Суханов Е.А.* Антисоциальные сделки в науке и практике // ЭЖ-Юрист. — 2005. — № 8.
- [8] *Тузов Д.О.* Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок: Теоретический очерк. — М.: Статут, 2008.
- [9] *Тузов Д.О.* Недопущение реституции и конфискации при недействительности сделок (о возникновении права собственности государства по основаниям, предусмотренным статьями 169 и 179 ГК РФ) // Вещные права: система, содержание, приобретение: Сборник научных трудов в честь проф. Б.Л. Хаскельберга / Под ред. Д.О. Тузова. — М.: Статут, 2008.

- [10] *Эрделевский А.М.* Об антисоциальных сделках и их последствиях // СПС «Консультант+».
- [11] Principles of European Contract Law (2002). URL: <http://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/portrait.pdf>
- [12] Secretariat Memorandum — Working Group (III) for the preparation of Principles of International Commercial Contracts, 1st session, Rome. URL: <http://www.unidroit.org/english/documents/2006/study50/s-50-099-e.pdf>

INTERNATIONAL TRANSACTIONS INFRINGING PUBLIC POLICY AND GOOD MORALS

D.V. Fedchuk

The Department of Private Law
Russian Academy for Foreign Trade
4a, Pudovkina st., Moscow, Russia, 119285

The article describes one of the grounds for rendering transactions invalid — infringement of public policy and good morals, analyses historical development of the terms «public policy» and «good morals» as well as legal regulation of this matter in the international private law, gives recommendations concerning improvement of the Russian legislation.

Key words: public policy, good morals, transactions, invalidity.